

Кадисская конституция 1812 года

В двух томах

ТОМ II

Из истории
русско-испанских
отношений

Т.А. Алексеева

**Политическая
конституция
Испанской Монархии
и Россия**

Национально-освободительная война и Конституция 1812 года

200 лет тому назад была разработана одна из самых замечательных конституций XIX столетия — Политическая конституция Испанской Монархии 1812 года, известная как Кадисская конституция, по имени города Кадис, где она была принята и промульгирована. Эта юбилейная дата — повод для размышлений о ее месте в мировой конституционной истории.

Значение Конституции в политико-правовом развитии Испании очевидно. Принятая во время освободительной войны против Франции, она стала первым основным национальным законом страны и фундаментом для ее дальнейшего конституционного развития. Эта роль вовсе не умаляется хронологическим первенством иного акта — конституции, провозглашенной в Байоне в 1808 г.¹ Последняя относится к числу тех актов, что даровал Наполеон некоторым побежденным государствам: ею учреждался новый конституционно закрепленный правовой порядок в Испании и оформлялась замена на престоле представителя династии Бурбонов Жозефом Бонапартом, братом императора. Байонская конституция 1808 г., прочитанная вслух, была формально одобрена некоторыми представителями испанского общества, приглашенными для этого на территорию Франции. В условиях войны она не имела перспектив стать действующим законом в Испании, поскольку была решительно отвергнута значительной частью испанского общества. Вместе с тем, Байонский статут (именно так в Испании принято определять статус данной конституции) подтолкнул к разработке национальной конституции страны, поскольку он стал примером учредительного акта, в тексте которого упоминались некоторые испанские традиционные государственно-правовые институты.

Конституция 1812 года — акт с замечательной историей. Прежде всего, потому что она была рождена в ходе национально-освободитель-

¹ Подробнее на русском языке: *Алексеева Т.А.* Байонский статут 1808 г. в Испании // *Правоведение*. 2000. № 4. С. 185–196.

ной борьбы испанского народа. Французские войска вступили на территорию Пиренейского полуострова в 1807 году под предлогом завоевания Португалии, союзницы Великобритании. Формально-юридической основой данного действия стал франко-испанский договор, заключенный в Фонтенбло 27 октября 1807 г. Однако после завершения кампании, наполеоновская армия продолжала свое пребывание на территории Испании, что первоначально не вызывало протестов со стороны испанцев. Но отношение радикально изменилось, когда войска Мюрата подошли к Мадриду, и 16 марта 1808 г. на заседании государственного совета было принято решение о выезде королевской семьи из столицы. В ночь с 18 на 19 марта 1808 г. в Аранхуэсе произошло народное выступление, направленное, прежде всего, против Мануэля Годоя, фаворита королевы и непосредственного виновника французского вторжения. В результате последовало отречение от престола короля Карлоса IV в пользу сына и наследника Фернандо. Впоследствии оно имело решающее значение для легализации в 1810 г. Учредительного собрания, Генеральных и чрезвычайных кортесов и обоснования правомерности принятия ими Конституции 1812 года и всего конституционного законодательства, развивающего ее положения.

Второе событие, которое следует упомянуть, — восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде, ставшее началом войны против господства Франции в Испании. Именно с этого дня испанцы разделились на тех, кто был готов принять иностранную власть, и тех, кто ее отвергал. Последние и стали ядром той «нации», которая через своих представителей выразила волю к принятию новых основных законов. Поэтому с конкретно-исторической, политической и идеологической точек зрения Конституция 1812 года стала актом сопротивления французской власти и протеста против присутствия французских войск на территории Испании. Неудивительно, что впоследствии она стала восприниматься как символ борьбы за право народа самому определять свою историческую судьбу.

Отречение Карлоса IV от престола в пользу старшего сына позволило современникам обратиться к средневековому правилу о необходимости его одобрения Кортесами, то есть представителями общества, а в средние века — представителями сословий. Признание передачи власти *de facto* было выражено войной испанского народа, которую он стал вести самостоятельно, как без руководства прежнего монарха Карлоса IV, так и без «желанного» правителя Фернандо VII. Война носила национально-освободительный характер, поскольку стала проявлением активности нации и охватила различные слои испанского общества.

Признание *de iure* акта передачи королевской власти было сделано деятельностью местных хунт, заменивших по воле народа местные органы власти, Центральной хунты, созданного ею Регентского совета и декретом Генеральных и чрезвычайных кортесов, принятым в первый день их заседаний 24 сентября 1810 г.

Генеральные и чрезвычайные кортесы и Конституция 1812 года

Правовой основой созыва Генеральных и чрезвычайных кортесов стали акты Центральной хунты (1808–1810), заседавшей в Аранхуэсе, затем в Севилье и Кадисе. Так, 5 ноября 1809 г. хунта приняла постановление о подготовке проекта конституции. Несмотря на то, что он так и не был ею создан, решения хунты были приняты во внимание Генеральными и чрезвычайными кортесами и учтены при разработке конституции. 22 мая 1809 г. Центральная хунта своим декретом объявила о созыве представительного органа — Кортесов. 20 января 1810 г. она утвердила Инструкцию о выборах депутатов, в обязанность которых вменялось принятие решений, необходимых для спасения родины, «возвращения на трон нашего желанного монарха», «возрождения и улучшения конституции, которой достойна испанская нация»¹. Завершая свою деятельность, 29 января 1810 г. Центральная хунта издала два декрета: о создании Регентского совета, состоящего из пяти членов, и о созыве Кортесов. В первом декрете указывалось, что созыв Генеральных и чрезвычайных кортесов, который ранее был назначен на 1 марта 1810 г. на острове Леон близ Кадиса, должен стать главной заботой Регентского совета². Во втором декрете провозглашался созыв двухпалатных Кортесов, состоящих из Палаты депутатов от провинций и Палаты представителей привилегированных сословий. Данное решение вызвало недовольство в стране, и под давлением общественного мнения декретом от 20 сентября 1810 г. Регентский совет объявил об открытии заседаний Кортесов 24 сентября 1810 г., признав нецелесообразным «созыв сословий грандов и прелатов в настоящие Кортесы», поскольку их представители «имеются среди депутатов от провинций»³.

В литературе приводятся различные данные о социальной принадлежности депутатов Генеральных и чрезвычайных кортесов⁴. Испанский историк А. Рамос Сантана отметил, что «несмотря на отсутствие согласия по вопросу о количестве депутатов, имевших ту или иную профес-

1 Текст Инструкции см. в книге: *Sevilla Andrés D. Constituciones y otras leyes y proyectos políticos de España: En 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1969. P. 69–80.*

2 Текст декрета: *Op.cit.* P. 81–85.

3 *Op.cit.* P. 87.

4 *Artola M. Orígenes de la España contemporánea: En 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1975. P. 462–464*; *Fernández Almagro M. La España en el siglo XIX. Barcelona, 1928. P. 28.*

1 Ramos Santana A. La Constitución de 1812 en su contexto histórico // Constitución política de la Monarquía Española: En 2 vol. Vol. I. Sevilla, 2000. P. 43.

2 Artola M. Orígenes de la España contemporánea. Vol. I. P. 462.

3 Escudero J.A. Introducción // Cortes y Constitución: 200 años: En 3 t. Madrid, 2011. T. I. P. XXXI.

4 Artola M. Cortes y Constitución de Cádiz *Ibid.* P. 9.

сию», известно, что священники были в явном большинстве (около 100 человек). Далее по численности следовали юристы (более 50 человек) и чиновники (также более 50 человек). Затем выделялись группы: военных, которых насчитывалось «более трех дюжин», 12 профессоров, 12 землевладельцев, менее дюжины моряков, 5–8 коммерсантов¹. Историк М. Артола обратил внимание на то, что классификация депутатов по их социальной принадлежности, «полезная главным образом для общей ориентации», немного помогает объяснить в деятельности Кортесов². Однако присутствие значительного количества юристов все же сыграло свою роль: качество законотворческой деятельности Кортесов достойно изучения и подражания даже современными законодателями.

Кортесы, созданные в Кадисе, были «генеральными», поскольку представляли всю нацию, и «чрезвычайными», поскольку имели учредительный характер³. Принятие конституции рассматривалось депутатами в качестве основной задачи их деятельности. Для ее разработки 23 декабря 1810 г. была создана комиссия в составе пятнадцати членов: десять из них были представителями испанских провинций, остальные — колоний; пять членов комиссии являлись служителями церкви, остальные были юристами. В составе комиссии были «либералы» (*liberales*) и «раблепные» (*serviles*), их количество было приблизительно равным. Первых наиболее ярко представляли М. Торреро (председатель комиссии), А. Аргуэльес, Э. Перес де Кастро, Х. Эспига, А. Оливерос, Х. Фернандес де Лейва. Наиболее консервативных позиций придерживались лишь Ф. Гутьеррес де ла Уэрта-и-Вальенте (примечательно, что впоследствии Вальенте отказался подписать разработанный комиссией конституционный проект). Остальные «раблепные» (А. Каньедо, А. Хоакин Перес, Ф. Родригес де ла Барсена, А. Мариа Рик, Мендьола, Хауреки) придерживались умеренно консервативных взглядов и шли на уступки либералам. Следует отметить, что не все члены комиссии играли равную роль в подготовке проекта. Участие в работе Ранса Романильоса, не входившего в состав комиссии, остается дискуссионным в испанской литературе⁴. Проект был выполнен наиболее активными, образованными и компетентными из них — либералами, воспитанными на идеях Великой французской революции.

Конституционный проект был представлен Кортесам 18 августа 1811 г. Обсуждение привело к внесению в него 56 поправок. Дебаты продолжались с 25 августа 1811 г. до 14 марта 1812 г.

Члены комиссии, осознавая консервативный настрой большинства жителей страны, направили в Кортесы предварительную записку, подготовленную А. Аргуэльесом. В ней были представлены аргументы,

которые, по их мнению, должны были убедить депутатов, что созданный ими конституционный проект основан на средневековом праве пиренейских государств: «Комиссия не предлагает в своем проекте ничего, что бы ни было записано самым достоверным и торжественным образом в различных испанских законах; ею лишь использован новый метод, посредством которого распределен, упорядочен и классифицирован материал так, чтобы была создана система основного закона, в котором содержалось бы в единстве, гармонии и согласии то, что имелось в основных законах Арагона, Наварры и Кастилии по поводу свободы, независимости нации, прав и обязанностей граждан, титула и прав короля и судов, создания и использования вооруженных сил, экономического состояния и управления провинций»¹. Создатели конституционного проекта настаивали на том, что в Испании существовала древняя (историческая) конституция, которую они представляли как совокупность законов, обычаев и традиций, закреплявших вышеназванные основы государственного строя. Период сословно-представительных монархий в Арагоне, Наварре и Кастилии они представляли как эпоху независимости, любви к порядку и справедливости, подлинной политической и гражданской свободы, закончившуюся с объединением Арагона и Кастилии и установлением абсолютизма. При этом авторы в своем проекте лишь указали законы, которые могли быть, по их мнению, отнесены к числу основных, не ссылаясь на конкретные статьи и параграфы.

Следует отметить, что позиция авторов конституционного проекта была принята некоторыми современниками, политиками, а также отдельными историками². В испанской исторической и юридической литературе последних десятилетий авторы не рассматривают средневековые законы в качестве основы Конституции 1812 года. М. Артола, обращая внимание на такую особенность правосознания испанцев в период войны за независимость, как вера в «конституционную законность, нарушенную абсолютизмом», отметил, что «никто в действительности не собирався изучать, какой на самом деле была испанская конституция ... Речь шла лишь о том, чтобы избежать возвращения к абсолютизму»³. Выдающийся историк права Ф. Томас-и-Вальенте подчеркнул, что «авторы проекта не хотели пугать нерешительных новаторов и поэтому представляли как простую «конституционную реформу» тот акт, что на самом деле был конституцией, основанной на революционных принципах»⁴. Х. Портильо Валдес заметил: «Конституция, которую следовало создать, не была и не могла быть древней конституцией»⁵.

Действительно, испанское конституционное право имело свою предысторию в области муниципальной автономии и привилегий

1 Текст записки переведен по: *Sevilla Andrés D.* Constituciones y otras leyes y proyectos políticos de España. Vol. 1. P. 115–160.

2 *Martínez Marina F.* Teoría de las Cortes o Grandes juntas nacionales de León y Castilla. Madrid, 1813. P. 299; *Трачевский А.* Испания девятнадцатого века. М., 1872. С. 198; и др.

3 *Artola M.* Orígenes de la España contemporánea. Vol. 1. P. 282.

4 *Tomás y Valiente F.* Manual de historia de derecho español. Madrid, 1995. P. 439.

5 *Portillo Váldes J.* ¿Existía una antigua constitución española? // Il modello costituzionale inglese e la sua recezione nell'area Mediterranea tra la fine del 700 e la prima metà dell'800 / A cura di A. Romano. Milano, 1998. P. 585.

Просвещенным испанцам было очевидно сходство акта с основным законом Франции 1791 г. как по форме, так и по содержанию¹. Король Фернандо VII, возвратившийся в Испанию в мае 1814 г., объявил ее порождением французской революции. Историки Г. Рико-и-Амат и П. Велес представили в своих научных трудах сравнительные таблицы отдельных статей Конституций 1791 г. и 1812 г., иллюстрируя вывод авторов об их идентичности «по духу и форме»². Однако отметим, что Н.И. Кареев в начале XX в. отметил, что Конституция Франции 1791 г. послужила, «в большей или меньшей мере, образцом отчасти по содержанию, главным же образом по форме для всех почти конституций, издававшихся после нее в отдельных государствах»³.

К числу юридических источников Конституции 1812 года относятся и Якобинская конституция 1793 г., пронизанная принципом народного суверенитета, ставшего под названием «суверенитет Нации» идейным фундаментом деятельности Генеральных и чрезвычайных кортесов. Наконец, не следует отказываться от признания значения Байонской конституции для создания национального основного закона. Не вызывает сомнения и влияние на испанского законодателя Конституции США. Так, при обсуждении положений о законотворческом процессе депутаты Генеральных и чрезвычайных кортесов не скрывали, что учитывают текст основного закона США⁴.

Место Конституции 1812 года в эволюции испанского конституционализма

Политическая конституция 1812 года открыла историю испанского конституционализма, заложив фундамент его развития в части содержательных и формальных характеристик. Она определила конституционную традицию страны: конституционные принципы и институты, систему государственных органов и их взаимодействие между собой, особенности закрепления порядка их формирования и деятельности, а также терминологию, характерные черты системы и структуру основных законов.

Значение Конституции 1812 года для Испании определяется самим фактом ее четырехкратного введения в действие: три раза полностью и четвертый раз частично. Впервые она была промульгирована 19 марта 1812 г., отменена декретом Фернандо VII от 4 мая 1814 г. Конституция 1812 г. также имела юридическую силу в «революционное трехлетие» (1820–1823 гг.): 9 марта 1820 г. Фернандо VII был вынужден

1 Подробнее на русском языке: Алексеева Т.А. Законодательство испанской революции 1808–1814 гг. СПб., 1996. С. 54–58.

2 Rico y Amat G. Historia política y parlamentaria de España: En 2 vol. Vol. 2. Madrid, 1860. P. 334–337; Velez P. Apología del Altar y del Trono: En 2 vol. Vol. 2. Madrid, 1818. P. 173–196.

3 Кареев Н. Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908. С. 229.

4 Oltra G. La influencia norteamericana en la Constitución Española de 1869. Madrid, 1972. P. 12–13.

присягнуть Конституции 1812 года в ходе начавшейся революции, однако 1 октября 1823 г., после входа в Мадрид французских войск, она вновь была им аннулирована. В третий раз в испанской истории Политическая конституция Испанской Монархии 1812 года была промульгирована королевским декретом от 13 августа 1836 г., в день военного выступления в Сан-Ильдефонсо, ставшего кульминацией целой серии восстаний. Более того, после введения в действие Конституции 1837 года, текст которой испытал сильное влияние Конституции 1812 года, законом от 7 сентября 1837 г. были провозглашены действующими положения V раздела Конституции 1812 года в части, не противоречащей основному закону, принятому в 1837 г.

Таким образом, принятие Конституции 1812 года и неоднократное введение ее в действие связано с революционными событиями и социальными выступлениями. Неудивительно, что это породило представление о ней как об акте народного сопротивления и сделало ее легендарным основным законом, демонстрирующим силу и значение народа — нации.

Испанская Конституция 1812 года — акт, принятый на первом этапе конституционного развития стран континентальной Европы (1789–1814 гг.), начало которому было положено Великой французской революцией, а его окончание связано с завершением наполеоновских войн. В это время были приняты первые революционные и послереволюционные основные законы во Франции, а также получил «распространение» процесс «одаривания» конституциями побежденных государств и государств, создаваемых во время походов французской армии. К числу первых, по мнению императора французов, относилась и Испания, для нее был подготовлен текст, объявленный в Байоне в 1808 г. Однако из характерного для того времени процесса «распространения» конституций за пределами Франции имелось четыре исключения: два на севере и два на юге Европы. Начало конституционного процесса в североевропейских странах было положено принятием конституций Швеции в 1809 г. и Норвегии в 1814 г. На юге Европы появление собственных конституций было ознаменовано принятием в 1812 году Политической конституции Испанской Монархии и Конституцией королевства Сицилия. Особые условия их создания в ходе противостояния наполеоновской Франции определили содержательные особенности, позволяющие некоторым исследователям выделить особую «средиземноморскую» разновидность конституционализма¹.

Важнейшей из них являлось особое отношение учредителей к понятию «нация». Именно ее воля стала основой обоснования правомер-

¹ *Romano A. Cadice come modello costituzionale per l'Europa liberale e antinapoleonica. Nota introduttiva // Costituzione politica della Monarchia Spagnuola. P. XVII.*

ности всех преобразований, фундаментом которых должна была стать конституция. Поэтому в тексте испанского основного закона 1812 г. был четко определен состав «нации» (ст. 1), отношение с индивидами, ее составляющими (ст. 4), установлен запрет на распоряжение впредь ее судьбой (ст. 2). Нация была указана в качестве обладателя суверенитета, проявлением которого признавалось право создавать «основные законы» (ст. 3), определяющие статус всех государственных органов, в том числе, короля.

Важнейшим атрибутом нации признавалась католическая религия (ст. 12). Поэтому сама Конституция 1812 года была провозглашена «во имя Всемогущего Бога, Отца, Сына и Святого Духа, создателя и верховного законодателя общества», Фернандо VII объявлялся королем «по милости Бога и Конституции», а все предписываемые ею процедуры сопровождались определенными молитвами и религиозными обрядами. Обязанность верности католической религии была указана во всех клятвах, предписанных Конституцией 1812 года. Более того, ее промульгация в Кадисе предполагала совершение мессы, а объявление во всех населенных пунктах включало прочтение ее текста и принесение клятвы во время церковной службы.

Помимо признания религиозной нетерпимости, существенно отличавшей Испанию от революционной Франции, всей деятельности Генеральных и чрезвычайных кортесов была свойственна демонстрация приверженности признанного королем Фернандо VII. Именно Конституция 1812 года положила начало закреплению в основных законах Испании имени правящего монарха, правил престолонаследия, содержания королевской семьи, его полномочий и взаимоотношений с другими государственными органами.

Следует также отметить и наличие в тексте Конституции 1812 года положений, которые явно были вызваны временем ее принятия. Так, ставилась под тщательный контроль Кортесов внешнеполитическая деятельность короля (ст. 171, 172). Несмотря на то, что монарх являлся главнокомандующим армией и флотом (ст. 171.8), все вопросы военного строительства находились под контролем Кортесов и регламентировались законодательством (как в отношении регулярной армии (ст. 356–361), так и национальной милиции (ст. 362–365). Кроме того, учредители, всячески стремясь не обнаруживать влияние Конституции Франции 1791 г. и Якобинской конституции 1793 г., использовали национальные исторические термины. В Конституции 1812 года отсутствовало систематическое закрепление прав и обязанностей испанцев, видимо, из-за опасения, которое вызвали бы у значительной части испанского общества воспоминания

о французских Декларациях 1789 и 1793 гг. Однако учредитель закрепил отдельные права испанцев и их гарантии в различных разделах Конституции (ст. 3, п. 2 ст. 172, ст. 173, 247, 248, 280, 287, 371, 303, 304, 306), также предусмотрел некоторые обязанности испанцев (ст. 6–9, 339, 361).

Подобно французскому законодателю 1791 г., различавшему понятия «француз» и «гражданин», депутаты Кортесов ввели понятия «испанец» и «гражданин»: только гражданин вправе занимать муниципальные должности в установленном законом порядке (ст. 23), избирать и быть избранным депутатом Кортесов. Институт избирательной системы занял значительное место в Конституции 1812 года, он нашел свое оформление в 77 статьях (во французской Конституции 1791 г. их было лишь 20). Конституция 1812 года закрепила не прямые выборы депутатов Кортесов, имеющие три уровня: приход, округ, провинция. При этом, на первом уровне выборы были двухстепенными.

Реализуя принцип разделения властей, учредитель вручил осуществление законодательной власти Кортесам «совместно с королем» (ст. 15). Учреждаемый представительный орган существенно отличался от средневековых сословно-представительных Кортесов. Конституция 1812 года оформила их однопалатную структуру, природу как собрания депутатов, представляющих нацию (ст. 27), обширные полномочия (ст. 131 и др.). Многие положения основного закона имели своим предназначением создание гарантий независимости Кортесов от монарха: точно указывалось место и дата открытия их заседаний (ст. 104), продолжительность сессий (ст. 106). Королю запрещалось распускать Кортесы или откладывать их заседания.

В Конституции 1812 года весьма подробно был регламентирован законотворческий процесс, четко оформлены его стадии (ст. 132, 139, 142, 145, 155), при этом законодательная инициатива Кортесов отождествлялась с законодательной инициативой депутатов (ст. 132). Исполнительная власть принадлежала исключительно королю (ст. 16, 170). Генеральные и чрезвычайные кортесы определили границы власти короля путем предоставления ему исчерпывающего перечня прав (ст. 171) и запретом совершать определенные действия (ст. 172). Монарх осуществлял свою власть, консультируясь с Государственным советом посредством семи министров (ст. 222), которые не объединялись в единый коллегиальный орган. Невозможность привлечь монарха к ответственности компенсировалась судебной персональной ответственностью министров (ст. 228, 229). Право применять законы в гражданских и уголовных делах вручалась трибуналам, созданным в соответствии с законом (ст. 17), их стройная система учреждалась Конституцией 1812 года.

(ст. 259–275). В ее тексте были сформулированы важнейшие принципы судопроизводства: только суды вправе применять законы в гражданских и уголовных делах; королю и Кортесам запрещалось вмешиваться в осуществление судебной власти; судам предписывалось не уклоняться от предписаний закона.

Генеральные и чрезвычайные кортесы не ввели нового административно-территориального деления, отложили его определение до более благоприятной политической обстановки (ст. 11) и ограничились лишь перечислением многочисленных «земель» в Европе, Америке и Азии, входившие в «территорию» Испании (ст. 10). В отличие от французских Конституций 1791 г. и 1799 г., исключавших действие основного закона в колониях, Конституция 1812 года должна была действовать повсеместно.

Основным законом 1812 года предусматривалась система местных органов управления, созданная на базе традиционных испанских учреждений (ст. 309, 324, 325). Однако принципы формирования и деятельности местных органов власти и управления были совершенно новыми для Испании.

Формально-юридические качества Конституции 1812 года

Конституция Испанской Монархии 1812 года отличалась замечательными юридическими качествами. Ее тексту свойственны ясные формулировки, четкое использование терминологии, восходящее к конституционному примеру Франции.

Официальное название документа «Политическая конституция Испанской Монархии» подчеркивало ограничение регулирования его положениями лишь сферы политических отношений: акт устанавливал основы организации власти и отношений между личностью и государственной властью, не затрагивал отношений иных видов. Генеральные и чрезвычайные кортесы весьма четко определили место Конституции в правовой системе Испании. Она была «основным законом» (преамбула, ст. 3), и ее создание было исключительным правом нации. Конституция обладала высшей юридической силой и верховенством в отношении всех иных актов, включая обычные законы. Конституция 1812 года являлась жесткой, поскольку для внесения в нее изменений и дополнений по истечении восьми лет с момента вступления ее в действие (ст. 375) требовалось соблюдение определенной процедуры (ст. 376–383).

1 Comellas J.L. Las Cortes de Cádiz y la Constitución de 1812 // Revista de Estudios políticos. 1962. № 126. P. 102.

Конституция отличалась строгой организацией содержания, в ее основу была положена система, отражавшая формальное представление о государстве как совокупности трех элементов: нация, территория, власть, что было заимствовано из Конституции Франции 1791 г. Испанский исследователь Х.Л. Комельяс выразительно отметил, что все в ней рационально, точно в «геометрическом порядке»¹. Неслучайно сами Генеральные и чрезвычайные кортесы назвали ее «Конституционным кодексом» (Декрет СХХХVII от 14 марта 1812 г.), что указывало на проведение большой работы по упорядочению правового материала и представлению его в систематизированном виде. Однако в отличие от Конституции Франции 1791 г., в Конституции 1812 года статьи имели сквозную нумерацию, что делало ее более доступной для восприятия и простой для ссылок на ее положения. Многие статьи включали несколько абзацев, а содержащиеся в них перечисления были представлены в виде пунктов. Конституция 1812 года состояла из преамбулы и 384 статей, объединенных в 10 разделов (семь из них имели подразделение на главы): 1) об испанской Нации и испанцах; 2) о территории Испании, ее религии, правительстве и испанских гражданах; 3) о Кортесах; 4) о Короле; 5) о судах и осуществлении правосудия по уголовным и гражданским делам; 6) о внутреннем управлении в провинциях и населенных пунктах; 7) о налогах; 8) о национальных вооруженных силах; 9) о народном образовании; 10) о соблюдении Конституции и о порядке внесения в нее изменений.

Конституция являлась самой обширной по объему за всю историю Испании XIX–XX вв. не только по количеству содержащихся в ней статей. Учредитель весьма детально регламентировал: порядок проведения выборов, созыв Кортесов, способы ограничения королевской власти, правила санкционирования монархом законов, принесение присяги и некоторые другие. Все эти проявления конституционного оформления государственности, ранее неизвестные Испании, не были оставлены Генеральными и чрезвычайными кортесами для развития в текущем законодательстве, поскольку они явно опасались нежелательных интерпретаций конституционных положений в обычных законах и подзаконных актах. Поэтому конституанта тщательно проработала многие детали, выводимые в более поздних конституциях за пределы их текстов (даты, время, название месс, точные фразы обращений).

Отдельные декреты Генеральных и чрезвычайных кортесов

В данной книге представлены некоторые декреты Генеральных и чрезвычайных кортесов.

Декрет I, принятый в первый день заседаний, 24 сентября 1810 г., хотя и был представлен лишь как акт, учреждающий и узаконивающий Генеральные и чрезвычайные кортесы, определяющий их взаимоотношения с другими государственными органами, выполнил более важную роль: он юридически оформил отказ от абсолютизма и переход к конституционному правлению в Испании. В структуре акта выделялись преамбула и 13 абзацев, не имевших нумерации. Законодатель четко сформулировал новые основы испанской государственности и обосновал право Кортесов на принятие Конституции, то есть выполнение функции учредительного собрания. Это было сделано на базе признания Генеральных и чрезвычайных кортесов носителями национального суверенитета. Данный декрет, по справедливой оценке исследователя М. Гонсалеса Муньиса, занимает исключительное место: с него начинается «конституционный период» в истории Испании¹, он предварял принятие основного закона страны, стал юридическим фундаментом его разработки. Программный и учредительный характер первого декрета Генеральных и чрезвычайных кортесов, его место в политико-правовом развитии Испании позволяет сравнить его с Декларацией независимости, принятой североамериканским континентальным конгрессом в 1776 г., и Декларацией прав человека и гражданина, принятой французским учредительным собранием в 1789 г.²

Иные декреты, представленные в данном издании, показывают значение, которое придавали учредители разработанной ими Конституции 1812 года. Так, Декретом CXXXVII от 14 марта 1812 г. была определена дата промюльгации «великого акта», имеющего предназначение стать «эпохой в истории Нации». Таковым стал день 19 марта 1812 г., выбранный в память о восстании в Аранхуэсе в 1808 г. Именно тогда Карлос IV отрекся от престола в пользу своего сына Фернандо. Процедура объявления Конституции в Кадисе включала прочтение ее текста в Кортесах, подписание депутатами двух ее оригинальных экземпляров, принесение присяги депутатами и регентством, благодарственную торжественную мессу, прочтение текста в публичном месте и артиллерийский салют.

Декретом CXXXVIII от 18 марта 1812 г. было предписано направить регентству один из двух оригинальных текстов Конституции для

1 González Muñiz M. Constituciones, Cortes y Elecciones españolas. Historia y anécdota. Madrid, 1979. P. 9.

2 Подробнее на русском языке: Алексеева Т.А. Испанский декрет 24 сентября 1810 г. // Вестник ЛГУ. 1990. Вып. 2. Сер. 6. № 13. С. 74–77.

его издания и обнародования. При исполнении данной обязанности регентство должно было использовать формулу, предписанную Кортесами. Декретом CXXXIX от 18 марта 1812 г. указывались правила объявления Конституции за пределами Кадиса, в иных населенных пунктах. Особенностью установленной процедуры являлось наличие в ней двух этапов: светского и религиозного. Первый предполагал лишь торжественное прочтение текста Конституции и приказа регентства в наиболее многолюдных местах каждого населенного пункта. Позднее, Декретом CLXXXV от 14 августа 1812 г., Кортесы с намерением сохранить «всеми возможными методами в памяти испанцев счастливую эпоху» объявления основного закона 1812 г., постановили назвать главную площадь во всех населенных пунктах, где это проводилось, площадью Конституции. На втором этапе в ближайший же праздничный день предписывалось прочтение ее текста во время проведения благодарственной мессы, а также произнесение соответствующих наставлений священника до принесения присяги верности основному закону — Генеральные и чрезвычайные кортесы рассчитывали на поддержку церкви и священнослужителей для легитимизации нового публичного порядка. Декретом также устанавливался текст присяги, приносимой органами власти, должностными лицами и корпорациями. Помимо этого, устанавливалась обязательность принесения присяги в соблюдении Конституции в подразделениях вооруженных сил и посещение тюрем для немедленной реализации положения ст. 296 Конституции.

Желая обеспечить неприкосновенность промудреного текста Конституции и признавая, что она является «собственностью и достоинством Государства», Генеральные и чрезвычайные кортесы Декретом CLVII от 29 апреля 1812 г. запретили переиздавать ее без разрешения правительства.

Текст Конституции 1812 года в России

В настоящем издании воспроизведен официальный и оригинальный текст Политической конституции Испанской Монархии, принятой Генеральными и чрезвычайными кортесами. В связи с заключением в 1812 г. союзного российско-испанского договора, ее текст получил известность в Петербурге. Так, в том же 1812 г. Конституция была переведена для российского императора Александра I с испанского языка на французский советником по коммерческим делам Гийомом Рувье. Рукописный подносной экземпляр хранится в Отделе рукописей Российс-

кой национальной библиотеки¹. Переводчик также представил императору на французском языке рукопись с анализом положений основного закона². Текст Конституции 1812 года на французском языке в рукописном виде представлен в первом томе настоящего издания.

В том же году Конституция 1812 года была издана в Петербурге в печатном виде на французском языке издателем Плюшаром³. Перевод с испанского языка был выполнен аббатом Вилларом из Альби. Цензор, советник двора Зон 3 ноября 1812 года предписал: «Пять напечатанных экземпляров этого произведения должны быть представлены Санкт-Петербургскому цензурному комитету, из них один экземпляр направляется данному комитету, другой — департаменту Министра народного просвещения, два экземпляра — Императорской публичной библиотеке и один — Академии наук». Два экземпляра по сей день хранятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Благодаря изданию Плюшара, с текстом Конституции 1812 года смогли ознакомиться интересующиеся событиями, происходящими в Испании.

В ноябре 1812 года Петр Кайсаров выполнил перевод Конституции 1812 года на русский язык, хранящийся в виде рукописного подносного экземпляра императору под названием: «Гражданская Конституция Испанской Монархии» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴. Примечательно, что «верноподданный» дворянин и переводчик Петр Сергеевич Кайсаров, представляя свой текст императору, не преминул указать: Конституция «была внушена Героическими доблестями Вашего Величества, обещает под покровительством заключенного Вами, всемилостивейший Государь, великодушного союза осуществить те надежды человечества, которые начинали уже изглаживаться из его памяти»⁵.

В 1813 г. отдельные положения Конституции были представлены в российских журналах. Так, в «Вестнике Европы» были опубликованы в переводе с французского языка «некоторые статьи» «Государственного Устава Испанской Монархии», «признаваемые достаточными к тому, чтобы дать понятие о содержании всей книжки»⁶. Оба перевода на русский язык, как полный рукописный, как и частичный, опубликованный, отражали определенный уровень политико-правовой культуры и были выполнены с использованием характерной для России того времени юридической терминологии. Вместе с тем, данные тексты, бесспорно, представляют большой историко-познавательный интерес и в настоящее время.

В предлагаемом издании представлен и современный перевод Конституции Испании 1812 года, впервые опубликованный в 1996 г.

1 *Constitution politique de la Monarchie Espagnole*, promulguée à Cadix le 12 Mars de l'année 1812; traduite de l'espagnol par G^{me} Rouvier, conseiller de commerce de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies au service actif de la Commission des loix. Dedié à Alexandre 1er. Reliure du XIXe s. En carton recouvert de papier rouge estampe d'or. Tranches dorées. Dertrand, p. 67. Fr. F. II. № 37. Инв. номер 68.

2 Rouvier G^{me}. Analyse de la nouvelle Constitution politique de la Monarchie Espagnole, publiée à Cadix dans la presente année 1812 par G^{me} Rouvier. Reliure du XIXe s. (identique a celle du ms. Precedent). Tranches dorées. F. II № 38. Инв. номер 69.

3 *Constitution politique de la Monarchie Espagnole*, publiée à Cadix le 19 Mars 1812 / Traduite de l'Espagnol par Mr. L'Abbé Villar, ancien Chanoine (o chanoine d'Albi). St.-Petersbourg: de l'imprimerie de Pluchart et comp. 127 p.

4 *Гражданская Конституция Испанской Монархии* / Пер. П. Кайсарова. 1812. 100 л. F II-3. № 3377.

5 Кайсаров Петр Сергеевич (1777–1854) – военный, чиновник, поэт и переводчик. Находился в свите Александра I при Аустерлице, затем был направлен с особым поручением императора в Константинополь, с 1811 по 1828 гг. являлся обер-прокурором Правительствующего Сената, состоял в нескольких масонских ложах.

6 Вестник Европы. 1813. Ч. 70 № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132.

Признание Конституции Александром I

В книге представлен текст российско-испанского союзного договора, заключенного 8 (20) июля 1812 г. в Великих Луках, и документы, сопровождавшие его ратификацию.

Известно, что в течение двух лет император Александр I считал, что война испанского народа против французов не представляла серьезной угрозы Франции и не оказывала большого влияния на военно-политическую ситуацию в Европе. Однако испанские патриоты изначально считали Россию вероятным союзником. Так, хунта города Севилья 27 июля 1808 г. направила обращение к Александру I, в котором говорилось: «Един был глас и всеобщее движение Испании, и во всех ея провинциях сражаются ныне против французов, которые во многих были уже низложены, и уповаем, что весьма вскоре окончим дело с сим родом похитителей»¹. Центральная хунта 25 октября 1808 г. отправила письмо, подписанное председателем Флоридабланкой, посредством которого она «пыталась вступить в тайные сношения с русским правительством через Р.А. Кошелева». Последний был ознакомлен с письмом 16 (28) декабря 1808 года².

Отсутствие особого интереса к событиям на Пиренейском полуострове Александр I продемонстрировал в письме, написанном незадолго до отъезда в Эрфурт для переговоров с Наполеоном, в ответ на письмо его матери, императрицы Марии Федоровны. Она обратила внимание сына на изменение положения Наполеона после битвы при Байлене в июле 1808 г., первой победы испанских патриотов: «...его честь окажется запятнанной, если он не закончит со славой испанские дела. Ему нужно, чтобы Иосиф остался властителем Испании, так как неаполитанская корона уже отдана, и эта борьба имеет для него решающее значение: или он с успехом выйдет из нее, или он погибнет в ней, так как, если испанцы будут продолжать держаться и торжествовать над ним, — их пример увлечет другие народы, стонущие под игом, и которые захотят сбросить его»³.

Александр I не придавал важного значения событиям на Пиренейском полуострове и не считал, что они могут повлиять на его переговоры с Наполеоном: «Что касается испанского вопроса, то направление ему дано, и свидание в Эрфурте не может что-либо изменить в этом отношении. Не русская же армия может отправиться в эту страну. К тому же у Наполеона более чем достаточно войска, чтобы действовать с двух сторон с перевесом сил. Одно лишь Божественное провидение решит, каков должен быть исход испанских дел, и этот-то исход предрешит образ действий, которого государствам придется держаться впоследствии»⁴.

1 Письмо Верховной Севильской хунты императору Александру I. 27 июля 1808 года / Пер. с фр. коллежского советника Михайлова // Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917: В 2 т. Т. 2 (1800–1917). М., 1997. С. 33.

2 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел: в 2 сериях. Сер. I. Т. 5. М., 1967. С. 699.

3 Собственноручное письмо императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // *Русская старина*: СПб., 1899. Т. 98. С. 11.

4 Собственноручное письмо императора Александра I к императрице Марии Федоровне // *Там же*. С. 21.

Российский император явно не выражал беспокойства заменой на испанском престоле короля из династии Бурбонов на брата императора французов. Так, в Инструкции Александра I инженер-генералу П.К. Сухтелену, данной осенью 1809 г., было указано: «Что касается Испании, то, как Вам известно, я не упорствую, подобно англичанам, в убеждении, что ее королем является Фердинанд VII. При жизни своего отца он не имеет права быть королем, да и как он может быть им, если его удерживают во Франции»¹. Более того, он четко сформулировал отношение к вопросу о правителе Испании: «Я желаю (поскольку считаю это важным шагом к установлению общего мира), чтобы король Жозеф снискал наконец любовь и преданность своих новых подданных, и чтобы подчинение Испании возвратило благополучие этому королевству, к которому я всегда питал уважение»².

В 1810 г. регентские советы, сформированные Центральной хунтой, а затем и Генеральными и чрезвычайными кортесами, предприняли попытки вступить в контакт с российским императором³. Несмотря на то, что официальные переговоры между Александром I и национальной властью, находившейся в Кадисе, так и не начались, а дипломатические отношения с Жозефом Бонапартом поддерживались в течение последующих полутора лет, до вторжения наполеоновской армии в Россию, уже в 1810 г. было заметно возрастание интереса российской стороны к «испанскому вопросу». Так, осенью 1810 г. обер-гофмейстер Р.А. Кошелев, член Государственного совета и доверенное лицо Александра I, вступил в секретные отношения с представителями испанской национальной власти. Историк И.С. Завяич отмечал: «Переговоры были тайными как по своей теме (речь шла о совместных усилиях в борьбе против Наполеона), так и по своей организации. Участники всячески стремились скрыть от постороннего взора эти переговоры. Даже канцлер Румянцев, официальный руководитель внешней политики России, не был уведомлен об этих переговорах»⁴.

В этих контактах с испанской стороны, представленной Кортесами и Регентским советом, первоначально выступал консул Антонио Коломби, а затем Франсиско Сеа Бермудес. Впервые он прибыл в Петербург как представитель торговой фирмы в декабре 1810 г. и покинул столицу в феврале 1811 г. Через несколько месяцев в том же 1811 г., после посещения Лондона и Кадиса, Ф. Сеа Бермудес вернулся в Петербург. На этот раз он был наделен полномочиями на заключение договора о «наступательно-оборонительном союзе». Они нашли оформление в Инструкции, данной Регентским советом 29 июля 1811 г.⁵ Кроме того, он также имел соответствующие полномочия и от английского принца-регента Георга. Ф. Сеа Бермудес 12 (24) ноября 1811 г. проинформиро-

1 *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел.* Т. 5. С. 280.

2 *Там же.* С. 281.

3 Подробнее см.: *Додолев М.* О влиянии испанской революции 1808–1814 годов на внешнюю политику европейских государств // *Новая и новейшая история.* 1972. № 2.

4 *Завяич И.С.* Испания в дипломатических отношениях России в 1812 году // *Исторический журнал.* 1943. № 3–4. С. 45.

5 *Инструкция испанского правительства послу в России Франсиско де Сеа Бермудесу // Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917.* Т. 2. С. 51–61.

1 *Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. С. 241.*

2 *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. С. 473.*

вал Р.А. Кошелева о предмете данного ему поручения: сделать все возможное для того, чтобы заключить договор о мире и дружбе, желаемый испанским и английским правительствами. Он также пояснил, что ему даны полномочия «на заключение такого договора с участием Англии или без нее, если Россия сочтет это более целесообразным»¹.

В ночь на 12 (24) июня 1812 г. армия Наполеона перешла границу России. С началом Отечественной войны дипломатические отношения с представителями французской власти в Испании были разорваны: российский посол был отозван из Мадрида, а посол Жозефа Бонапарта в России покинул Петербург. Российский император скорректировал проводимую внешнюю политику, нацелив ее на оформление договоров с союзниками. 6 (18) июля были заключены договоры со Швецией и Англией. 8 (20) июля в Великих Луках был подписан договор с Испанией. С российской стороны под его текстом свою подпись поставил канцлер Н.П. Румянцев, подготовивший проект договора. В своей Записке от 4 (16) июля 1812 г. Н.П. Румянцев уверял Александра I в том, что его текст «не будет ни к чему обязывать» императора². С испанской стороны договор был подписан Ф. Сеа Бермудесом.

В третьей статье данного двустороннего трактата содержалось указание на факт признания российским императором Генеральных и чрезвычайных кортесов и принятой ими Конституции 1812 года. Так Александр I стал первым европейским монархом, совершившим этот акт, имеющий большое политическое и юридическое значение.

2 сентября 1812 г. Генеральные и чрезвычайные кортесы единогласно приняли решение о ратификации договора. Его текст был включен в Декрет CLXXXIX Генеральных и чрезвычайных кортесов. Текст «Трактата о заключении союза между Россией и Испанией» на русском языке приводится в данной книге в том виде, в каком он был официально представлен в томе 32 Полного собрания законов Российской империи, изданном в 1830 г. вместе с документом о его ратификации. Это решение Александра I было принято и нашло свое оформление 17 октября 1812 года. 7 ноября 1812 г. император подписал Манифест, которым «всемирно» объявил «о заключении между Россией и Испанским Королевством союза». Ссылка на «желание соблюсти мир и тишину как в Государстве Нашем, так и везде» объясняла задержку в совершении данного «торжественного постановления».

В данном издании публикуются тексты сообщений о принесении присяги «в верности Политической конституции Государства и законному Королю» батальонов так называемого «испанского» полка, со-

зданного в соответствии с указанием Александра I из числа пленных и дезертиров испанских подразделений наполеоновской армии. В честь императора полк должен был именоваться «Александровским». В журнале «Сын Отечества» содержалось подробное описание церемонии принесения присяги в Царском Селе, проведенной 20 апреля (2 мая) 1813 года, в день пятой годовщины восстания в Мадриде. В тексте сообщения полностью приведена речь «Его Превосходительства г. Чрезвычайного Посланника и полномочного Министра Его Католического Величества Фердинанда VII, Дона Евсевия де Бардахи-Азара». Во время церемонии были прочитаны вслух отдельные статьи Конституции 1812 года; а весь ее текст был полностью прочитан вслух ранее, до проведения церемонии. Далее была произнесена присяга, ее принесение, как и в Испании, сопровождалось церковной службой, а также маршем военных.

7 (19) июля в Царском Селе прошла церемония освящения знамен Александровского полка, состоявшего из трех батальонов, объединивших 1800 человек. Она проводилась в ознаменование пятой годовщины первой крупной победы испанцев над наполеоновскими войсками при Байлене. В присутствии императора Александра I «произведено было с приличными к сему молитвами освящение знамен, которые потом вручены были командиру полка полковнику О'Доннелю и двум одного офицерам». Подразделение отправилось в Кадис для участия в военных действиях против французов.

По мнению академика М.П. Алексеева, этими актами был дан «новый толчок» «испанским увлечениям русского общества»: они «возбудили всеобщее внимание», «русские журналы ликовали; поэты славали торжественные оды в честь события»¹. Стихотворение графа Д.И. Хвостова, прочитанное им на завтраке в императорском дворце после принесения батальонами присяги, также было опубликовано в журнале «Сын Отечества».

¹ Алексеев М.П. Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании. М., 1940. С. 396–397.

Конституция 1812 года и декабристы

В книге представлены положения конституционных проектов Никиты Михайловича Муравьева. Два из трех вариантов, дошедших до нас, демонстрируют явное использование декабристом при их составлении испанского образца 1812 г. Также приводятся фрагменты из показаний декабристов, данных при производстве следствия, отрывки из их воспоминаний, дневников и писем, подтверждающие влияние Конституции 1812 года на их мировоззрение и построение планов политических преобразований в России.

Особую роль в России сыграла Конституция 1812 года после ее второго провозглашения во время военного выступления, начавшегося в Кадисе 1 января 1820 года. Фернандо VII был вынужден признать Конституцию 1812 года и 9 марта 1820 г. принести присягу, предписанную в ее тексте. Е.В. Тарле отметил «могучий эффект» испанского революционного «трехлетия» в России и других странах, поскольку тогда «впервые обнаружилось с непрекращаемой ясностью... как, в сущности, шатки троны и алтари, как мало уверены в себе их защитники, как неустойчив созданный Священным союзом порядок вещей»¹. Поэтому, по мнению выдающегося советского историка, события в Испании особенно впечатлили «революционно или даже только оппозиционно настроенные элементы» в европейских странах, считавшихся «отсталыми в экономическом, культурном, политическом отношениях». Причинами большого интереса стали: «относительная длительность» революции (с января 1820 г. до середины 1823 г.), ее успех («революционерам удалось почти все это время так или иначе владеть правительственной властью и всем государственным механизмом»), «наконец, тот факт, что сломлена была власть революционеров *исключительно* иностранным (французским) военным вмешательством»².

С декабристами связано практическое значение, которое имела Конституция 1812 года в нашей стране. Н.М. Муравьев использовал ее при составлении проектов конституции для России. Заимствование было обнаружено академиком Н.М. Дружининым при изучении текста, обнаруженного в бумагах С.П. Трубецкого при производстве обыска (так называемый «первый вариант» Конституции Никиты Муравьева). Заимствование формулировки второй статьи Конституции 1812 года при создании первой статьи проекта было подтверждено соответствующей ссылкой на полях, при этом испанский термин «нация» был заменен на более используемый в России «народ». Вторая статья проекта, хотя и не содержала ссылки на испанский источник, но явно воспроиз-

¹ Тарле Е.В. Военная революция на западе Европы и декабристы // Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. Т. V. М., 1958. С. 10.

² Там же.

водила текст его третьей статьи. Декабрист лишь допустил незначительную терминологическую корректировку, заменив слово «суверенитет» на «верховную власть», а «законы» — на «постановления».

Положения начальных двух статей «первого варианта» сохранились и в так называемом «втором варианте» — «тексте, сохраненном в портфеле И.И. Пущина, вероятно, переписанного рукой К.Ф. Рылеева»¹. Они также представлены в данном издании. Однако указанные положения не были воспроизведены в «третьем варианте», дошедшем до нас в виде документа, написанного собственноручно Н. Муравьевым во время нахождения в Петропавловской крепости при производстве расследования².

Следует отметить, что иные положения трех «вариантов», в которых обнаруживается знание Н.М. Муравьевым текста Конституции 1812 года и заимствования ее отдельных формулировок при создании конституционных проектов в данном издании не представлены. Однако они обнаружены при проведении исторических и юридических исследований, с которыми может познакомиться заинтересованный читатель³.

К числу тех, кто находился под большим впечатлением от этих событий, относилась и прогрессивно настроенная часть российского общества. «Декабристы и лица их убеждений и их круга были прямо потрясены испанскими событиями, — восторгам не было конца. Сходство между Россией и Испанией в некоторых отношениях, решающая роль восстания войск — все это особенно поражало воображение», — отмечал Е.В. Тарле⁴. Об этом свидетельствуют фрагменты воспоминаний А.П. Беляева, записи в дневнике Н.И. Тургенева.

Отрывки из показаний А.П. Беляева, А.А. Бестужева, Н.А. Бестужева, П.И. Борисова, Д.И. Завалишина, П.Г. Каховского, С.И. Муравьева-Апостола, П.И. Пестеля, А.В. Поджио, К.Ф. Рылеева, М.М. Спиридова показывают, что члены тайных обществ проявляли большой интерес к событиям 1820–1823 гг. в Испании и Конституции 1812 года. Обсуждение планов преобразований, в которых нуждалась, по их мнению, Россия, неизбежно приводило к дискуссии о создании их политико-юридического фундамента — конституции. Показания Н.А. Бестужева, П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева и других подтверждают, что члены тайных обществ во время дискуссий обращались к конституционному опыту различных государств, в том числе Испании.

Однако Конституция 1812 года у будущих декабристов вызывала интерес лишь в политико-историческом контексте двадцатых годов XIX в., а не эпохи ее создания и первого введения в действие. Она была для них, главным образом, символом и знаменем революционных событий

1 Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 376.

2 Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Дружину Н.М. Декабрист Никита Муравьев. С. 356–366; Дружину Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России XIX в. С. 295–304.

3 Алексеева Т.А. Испанская конституция 1812 г. и декабристы // Правоведение. 2009. № 3. С. 88–101; Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVII – начала XX в. М., 2000. С. 120–125; Минаева Н.В. К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции // Исторические записки. Т. 96. М., 1975. С. 67–71; Орлик О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975. С. 88–89; Павлюченко Э.А. Вступительная статья к публикации писем декабриста Н. Муравьева // Муравьев Н.М. Письма декабриста 1813–1826. М., 2000. С. 3–41; Романова С.Н. Д. Завалишин и Мануэль Кальдерон де ла Барка // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 338–346; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 243–247.

4 Тарле Е.В. Военная революция... С. 18.

и не подвергалась изучению и анализу как основной закон страны. Поэтому наибольший интерес у большинства вызывал не ее текст и юридические особенности, а обстоятельства ее провозглашения и отмены. Исключение, очевидно, представлял лишь Н.М. Муравьев, ознакомившийся с Конституцией 1812 года как основным законом, принятым Генеральными и чрезвычайными кортесами.

Обсуждая стратегию и тактику деятельности тайных обществ и план будущего восстания, принципы организации власти, декабристы исходили из того, что необходимо избежать «дурного» примера Испании, об этом свидетельствовали Н.А. Бестужев, П.И. Борисов, П.Г. Каховский, С.И. Муравьев-Апостол, А.В. Поджио. Более того, отказ Фернандо VII от конституционного правления и его поведение использовалось в качестве аргумента в пользу царубийства после победы вооруженного восстания. Использование испанского довода продемонстрировали в своих показаниях А.А. Бестужев, М.М. Спиридов, С.И. Муравьев-Апостол.

Конституция 1812 года в трудах русских историков и юристов

В книге представлены фрагменты из трудов отечественных историков и юристов, расположенные в соответствии с хронологией публикаций. До 30-х годов XX в. Конституция 1812 года в основном являлась предметом, представлявшим интерес для исторических исследований, в той или иной мере затрагивавших в своих исследованиях историю Испании.

Фрагмент письма Н.М. Карамзина П.А. Вяземскому передает впечатления современника, литератора и историка от испанских событий 1820 г. В книге представлены фрагменты из труда профессора А.С. Трачевского¹, сохраняющего актуальность и по сей день для всех, кто интересуется Испанией. Автор положил начало традиции довольно краткого описания «коренного государственного закона» в контексте общего повествования о развитии страны. Конституция 1812 года была представлена им как документ, отражающий «европейский дух», и как акт, содержащий как статьи, признаваемые ученым «удачными», так и положения «непрактичные» и «противоречивые».

Работа А.Д. Градовского², профессора Петербургского университета, представляла излагаемую в сравнительном аспекте государственно-

¹ Трачевский Александр Семенович (1838–1906) – историк, в 1878–1890-е гг. – профессор всеобщей истории Новороссийского университета (Одесса).

² Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – профессор государственного права Петербургского университета.

правовую эволюцию европейских стран на всех этапах конституционного развития, выделяемых автором. А.Д. Градовский проанализировал основные положения Конституции 1812 года на базе государственно-правовых подходов, приверженцем которых он являлся.

Профессор В.К. Пискорский¹ в своем историческом «Очерке социально-политической эволюции Испании в XIX в.» уделит внимание основным положениям Конституции 1812 года, ее значению для «общей эволюции парламентского строя Европы XIX в.» Видный историк Н.И. Кареев² в своем замечательном труде «Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века» посвятил несколько страниц Конституции 1812 года. Он отметил отдельные статьи закона, наиболее значительные для повествования по теме работы. Замечательный историк обратил внимание на ее значение в истории конституционных учреждений и учений, которое определялась ее «происхождением», содержанием, испытавшим влияние «средневековой арагонской конституции» и французской Конституции 1791 г., и «популярностью, какую она приобрела и вне Испании среди либералов около 1820 г.»

Небольшой отрывок из произведения профессора Петербургского университета Д.К. Петрова³, посвященного испанской литературе, содержит яркую и эмоциональную оценку главного результата деятельности Генеральных и чрезвычайных кортесов. В статье И.В. Лучицкого⁴, посвященной взаимоотношениям Наполеона и Испании, Конституция 1812 года была представлена небольшой и выразительной характеристикой, позволяющей оценить ее как акт мощного протеста завоевателю.

В тридцатые годы XX в. в СССР в связи с провозглашением в Испании Второй республики, а затем и начавшейся гражданской войной (1936–1939 гг.) возник особый интерес к испанской истории в целом и к страницам борьбы народа за право решать свою судьбу в частности. В научных и научно-популярных изданиях появились статьи, посвященные, в том числе, и войне испанского народа против наполеоновской Франции⁵. В этих работах авторы уделяли внимание и Конституции 1812 года. Характерная черта этих трудов — обязательная для того времени ссылка на авторитет К. Маркса и текст его действительно замечательной статьи «Революционная Испания», в которой давалась краткая характеристика важнейших исторических особенностей страны, хода событий 1808–1814 гг., деятельности Генеральных и чрезвычайных кортесов, особенностей Конституции 1812 года⁶. Влияние работы К. Маркса обнаруживается в учебниках по истории, в статьях и книгах историков и литературоведов, изданных во второй полови-

1 Пискорский Владимир Константинович (1869–1910) — историк, профессор всеобщей истории в Нежинском историко-филологическом институте, позднее в Казанском университете. Тема его магистерской диссертации — «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новым» (1897), докторской — «Крепостное право в Каталонии в средние века» (1901).

2 Кареев Николай Иванович (1850–1931) — профессор Петербургского университета, депутат Первой Государственной Думы, член Российской Академии наук, почетный член Академии наук СССР.

3 Петров Дмитрий Константинович (1872–1925) — историк литературы, основоположник русской научной испанистики.

4 Лучицкий Иван Васильевич (1845–1918) — историк, профессор Киевского университета, депутат Третьей Государственной думы, в Петербурге преподавал главным образом на Высших женских курсах.

5 Кудрявцев А.Е. Испанская революция 1808–1814 гг.: Исторический очерк // Ученые записки кафедры новой и средней истории. Т. 22. Л.: 1939. С. 5–44; Цветков Г. Испанские революции в первой половине 19 в. // Исторический журнал. 1938. № 7. С. 109–119.

6 Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 423–480.

1 Трайнин Илья Павлович (1886–1949) – юрист и общественный деятель, доктор юридических наук, заведующий кафедрой государственного права Московского юридического института.

2 Майский Иван Михайлович (Ян Ляховецкий) (1884–1975) – дипломат, историк.

не XX в., в том числе, представляемых статьях И.П. Трайнина¹, статье из второго издания Большой Советской Энциклопедии (автор статьи в издании не указан) и книге И.М. Майского². Однако, несмотря на обязательность следования установкам, заданным классиком, которые не вызывали сомнений по существу предмета исследования, авторы стремились в деталях и более подробных описаниях обратить внимание на те положения закона, которые представлялись им наиболее важными и значительными, а также сформулировать авторскую оценку Конституции 1812 года.